

ПРОСТО О СЛОЖНОМ

БУДДИЗМ

ЗА 90 МИНУТ

ВСЯ МИРОВАЯ ЭЗОТЕРИКА ЗА 90 МИНУТ!

УДК 294.3
ББК 86.35
С71

Берген, Л.

С71 Буддизм за 90 минут / Лина Берген. — М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2006. — 77, [2] с.

ISBN 5-17-036229-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9725-0376-X (ООО «Астрель-СПб»)

УДК 294.3
ББК 86.35

Подписано в печать 23.12.05. Формат 84x108/32.
Усл. печ. л. 4,2. Тираж 5 000 экз. Заказ № 6191

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

© Лина Берген, 2006
© ООО «Астрель-СПб», 2006

Введение

Буддизм — самая древняя из трех мировых религий. Он старше христианства на пятьсот лет, а ислам — на целых двенадцать столетий. Возник буддизм в Индии в VI—V веках до н. э. К настоящему времени основное число его последователей живет в странах Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии. В нашей стране он распространен среди жителей Бурятии, Калмыкии, Тувы. С начала XX века буддизм находит последователей в странах Европы и в США, а за последние 10—15 лет буддийские школы возникли во многих городах России, Украины, Беларуси. По весьма приблизительным данным можно сказать, что сейчас в мире насчитывается около 400 млн. мирян и около 1 млн. монахов и монахинь, исповедующих буддизм.

Учение, данное Буддой, — это учение, лежащее вне догм, необыкновенно открытое и живое. Его идея перемен и непостоянства пресекает любые тенденции фундаментализма. Это учение, которому чуждо отрицание, которое не исключает, а включает. Буддист не говорит: «не то, а это», буддист говорит: «и то и это», указывая на необыкновенное богатство нашего ума с бесконечным коли-

чеством возможностей. Буддизм настолько космически полное и всестороннее учение, что его можно рассматривать и как философскую систему, и как религию, и как идеологию, и как образ жизни. Именно поэтому у буддизма такая долгая жизнь и так много последователей по всему миру.

Будда принес учение, которое действительно каждодневно; оно необыкновенно практично, применимо для всех и на всех уровнях. Это напоминает рецепт изготовления хлеба: каждый применяет общие познания к тому, как он печется, но каждый печет хлеб совершенно по-своему. Будда сам подвиг своих последователей проверять все, что он сказал, на личном опыте.

Буддийская практика опирается на поиск индивидуальной истины, именно поэтому Великий Учитель, видя перед собой разных слушателей с различной способностью понимать, давал поучения для разных типов людей, с различными устремлениями и желаниями. Те, кто хотел избавиться от страданий, получали знания как о причине, так и о следствии. И эти поучения легли в основу Хинаяны — «Малого пути» («Малой колесницы»). Тем, кто стремился больше делать для других, было дано поучение о развитии мудрости и активного сочувствия. Эти поучения в свою очередь легли в основу Махаяны — «Великого пути» («Большой колесницы»). Для тех же, кто обладал сильным доверием к собственной Будда-природе, Будда дал учение «Махамудры» («Великой печати»), где передал свое просветленное видение природы ума. Эта была Ваджраяна — «Алмазный путь».

В разное время в разных частях света люди находили применение тому или иному виду единого учения. И поэтому оно всегда было, остается и будет действенным.

Будда нашего времени

Готама Будда, этот совершеннейший из двуногих.

Из древних текстов

Основатель буддизма — реальная историческая личность, хотя в его жизнеописаниях преобладают мифологические данные, и подлинные жизненные эпизоды порой сложно отделить от вымысла. Существует необыкновенное множество легенд, сказок и притч, связанных с именем Будды.

Его называли по-разному: Сиддхартха («Тот, кто достигает целей»), Гуатама («Лучший из пастухов»), Шакьямуни («Мудрый из рода Шакья»), Татхагата («Прошедший Великий Путь»), Бхагават («Благословенный»), Саттха («Учитель»), Джина («Победитель») и др. Но чаще все-таки его называют просто БУДДА, в буквальном переводе «Познавший», «Просветленный».

В представлении буддистов будды появлялись на земле с незапамятных времен. До Шакьямуни уже было по меньшей мере шесть будд (в некоторых версиях называется 24 поколения будд, а в ряде иных — тысяча поколений будд). Будда Шакьямуни — это будда нашего исторического времени, после него ожидается приход Будды Майтрея («Того, кто есть любовь»). Тем не менее все будды обладают совершенными качествами, все они учат одному закону.

Жизнеописания Будды Шакьямуни начали составлять спустя много сотен лет после завершения его

Будда Шакьямуни

жизни. Одним из наиболее известных является поэма Асвагхоши «Жизнь Будды». Согласно древним текстам поэмы, до того как родиться среди людей, Будда Шакьямуни многократно перерождался на Земле в виде разных живых существ. Но настало время, когда людские умы были безнадежно запутаны, и страдания их множились, тогда Будда решил воплотиться именно в мире людей, дабы принести им учение, способное освободить их ум от омраченности.

Он сам выбрал место своего рождения и родителей.

На территории нынешнего Южного Непала была страна, которой правил род Шакья и столицей которого был город Капилавасту. Древний текст гласит: «Вышел из Капилавасту великий кормчий мира, отпрыск царского рода, сын Шакьев, несущий свет». Короля этой страны звали Шуддходана («Имеющий рис») Гаутама, а его женой была Майя («Иллюзия»). Майя ожидала первых родов. Рождению Будды предшествовали видения и пророчества. Его матери как-то приснился странный сон, в котором чудесный белый слон вошел в ее чрево. Когда подошло время родов, Майя, следуя традиции, отправилась к своему отцу. Во время путешествия, около местечка Лумбини, у нее начались предродовые схватки и она уединилась в роще. Одно большое дерево склонило к ней ветвь, чтобы служить ей опорой. Роды прошли практически безболезненно; по их завершении пролился мягкий дождь, омывший мать и ребенка.

Утверждается, что, едва появившись на свет, ребенок уже обладал полностью ясным рассудком. Он мог говорить и сказал, что пришел, чтобы освободить все человечество от страданий. Он мог ходить и сделал несколько шагов в каждом из четырех направлений. Там, где он ступал, расцветали цветы лотоса. Родившийся ребенок обладал 32 необыкновенными телесными признаками (такими, как зо-

лотистая кожа, ровные зубы, руки и ноги округленной формы, широкие пятки, длинные пальцы рук, длинные мочки ушей и т. д.). Его назвали Сиддхартха. Царица Майя, дав рождение Будде, на седьмой день умерла, ее заменила сестра по имени Праджapati. В истории буддизма Праджapati известна как первая ученица Будды и как основательница женской буддийской общины.

На пятый день после рождения были созваны сто восемь наиболее сведущих в предсказаниях браминов, которые поведали, что родившийся ребенок может стать либо Великим Правителем — Чакравартином, либо Великим Учителем — Буддой. Один из браминов добавил: «Царевич покинет мир после того, как он увидит четыре ниспосланных ему небом знака или образа, — старика, больного человека, тело мертвеца, отшельника».

Шуддходана очень хотел, чтобы его сын стал королем, как и он сам, поэтому решил оберегать ребенка от всего, что могло натолкнуть его на религиозный путь. Он окружил сына роскошью и удовольствиями, отгородив от столкновения с обыденной жизнью, — принц не видел ни старости, ни болезней, ни смерти. Сиддхартха повсюду лицезрел лишь здоровье и красоту. Он женился на прекрасной принцессе соседнего королевства Яшодхаре («Хранительнице славы»), и у них родился сын Рахула («Схватывающий на лету»). Так жил царевич до 29 лет.

Но священному предназначению было суждено исполниться, и Сиддхартха, трижды покидая пределы дворца, увидел и старика, и тяжело больного человека, и мертвеца; он узнал о существовании на земле старости, болезни, смерти. Когда же он в четвертый раз покинул дворец, ему встретился погруженный в медитацию отшельник. После этой встречи Сиддхартха осознал, что не будет счастлив, если продолжит жить так, как прежде, что он не найдет себе по-

коя, покуда не узнает, как можно победить смерть и страдания. Он решает покинуть свое царство, свою семью и уйти на поиски пути, который даст освобождение всем живым существам. Сиддхартха уходит скитаться под своим родовым именем — Гаутама. Уходя, он дал четыре великих обета. Первый обет — спасти всех людей, второй — уничтожить все заблуждения, третий — постичь все учения, четвертый — добиться просветления. Дав эти четыре обета, Гаутама, по сути, начал *свой* путь к просветлению.

Некоторое время он учится у двух знаменитых гуру того времени, но вскоре это перестает удовлетворять его, и он снова отправляется на поиски учителей.

В течение последующих шести лет Гаутама вместе с пятью аскетами практиковал подвижничество и умерщвление плоти. Он достиг в этом таких поразительных результатов, что аскеты признали его своим учителем, а себя — его последователями. Однако он так и не получил ответов на свои вопросы. Гаутама понял, что предельные практики, которыми он занимался, никуда его не приведут, искать надо средний путь между крайностями роскоши и аскетизма. Он совершил омовение в реке и стал принимать пищу. Ученики же, углядев в его действиях слабость, покинули его.

В местечке Урувилва (Бодх Гая) Сиддхартха решил, что сядет под смоковницей и не двинется с места, пока не достигнет Просветления. Он молвил:

Даже если мое тело иссохнет,
А кожа и кости истлеют,
Я не сойду с этого места,
Покуда не приду к Просветлению,
Которое нелегко обрести даже за много кальп¹.

¹ Кальпа — в буддийской космологии период существования Вселенной. Кальпа включает в себя четыре эры (юги) — Крита-югу, Трета-югу, Двапара-югу и Кали-югу. В конце каждой кальпы Вселенная гибнет и все начинается сначала

Так провел он много дней в глубокой медитации, открывая себя Истине. Перед ним проходили все его прежние жизни, он мог видеть, что происходит во Вселенной, он вспомнил, кто он и для чего пришел в этот мир. Пришлось ему также выдерживать натиск кровожадного божества Мары, воплощающего Смерть и Зло. Мара пытался поколебать Сиддхартху страхом, насылая на него армии демонов, но Сиддхартха сохранял спокойствие. Тогда Мара решил подвергнуть его искушению обольщением красавицами, но и тогда Сиддхартха сохранил полное спокойствие. В последний же раз попытался Мара поймать Сиддхартху в ловушку его собственного эго, взывая к его гордости. Но все оказалось тщетно. На рассвете Сиддхартха коснулся земли одной рукой и попросил ее явиться свидетельницей того, что свершилось: одержав победу над Марой, он стал Буддой — «Тем, кто пробудился».

В Оленьем парке, в Сарнатхе, неподалеку от Бенареса, он прочел свою первую проповедь тем самым пяти, некогда покинувшим его, ученикам. Он преподал им учение о Четырех Благородных Истинах и Восьмеричном Благом Пути спасения. Его проповедь положила начало «вращению Колеса Закона», а новоявленные ученики дали рождение Сангхе — буддийской монашеской общине.

Следующие 45 лет жизни Будда путешествовал по Северо-Восточной Индии и проповедовал Дхарму (Учение). Люди шли к нему со всех сторон. Для принятия Учения не имело значение ни социальное положение человека, ни образование, ни национальность. Все могут достичь просветления, Сангха была открыта для всех. Будду также посетили члены его семьи — отец, сын, жена и сестра ма-

тери. Сын Рахула стал монахом, а отец — его последователем в миру. Яшодхара, жена, и Праджapati, его тетья, также хотели дать монашеский обет и быть принятыми в Сангху, в которую раньше могли быть приняты только мужчины. Будда проявил к ним сочувствие, и они стали первыми буддистскими монахинями.

Когда Будда достиг восьмидесятилетнего возраста, он почувствовал, что скоро уйдет, и обратился к ученикам с такими словами: «Если какие-то сомнения или колебания еще остались в ваших умах, вы должны обратиться ко мне сейчас, ибо это последние мгновения моей жизни». Трижды спрашивал Будда, но его ученики молчали. В скором времени в городе Кушинагаре он принял в жертвоприношение некачественную пищу; почувствовав боль и слабость, он проследовал на окраину города, вошел в лес и лег под двумя деревьями. Лежа на земле на правом боку, он продолжал давать поучения, потом принял в монахи последнего ученика и ушел в Паринирвану. Говорят, что в этот самый момент Земля содрогнулась, с неба обрушились страшные молнии, реки наполнились кипящей водой — казалось, что горе охватило весь мир. Деревья, склонившись над ложем Будды, покрыли его цветами со своих ветвей. Тело Будды было сожжено, а прах поделен между восемью его последователями, каждый из которых предал полученную им часть праха земле, установив над местом захоронения погребальную ступу.

До сих пор в Индии четыре места особо почитаются последователями Будды. Это Капилавасту — место рождения Будды; Бодх Гая — место, где он достиг Просветления; Сарнатх около Бенареса — место, где состоялась первая его проповедь; Кушинагара — место ухода в Паринирвану.

Чему учил Будда

Будда не оставил после себя преемника, а объявил в качестве такового саму Дхарму, или Учение (в переводе с санскрита это слово понимается как «система», «доктрина», «опора», «закон», «порядок мироздания» и т. д.), следовать которому может каждый. Бенаресская проповедь Будды, рассматриваемая не только как первая, но одновременно и как наиболее точная и полная формулировка его Учения (или Дхармы), начинается словами: «Раскройте уши, монахи: бессмертие выиграно мною». Первая проповедь Будды есть по сути обоснование необходимости спасения от страданий чувственного мира (сансары) и раскрытие пути к спасению.

Термин Дхарма — одно из наиболее значительных и наиболее труднопереводимых понятий в буддийской терминологии. Под этим термином одновременно подразумевают и закон Вселенной, и вневременную Истину, и вторую из трех буддийских драгоценностей в триаде: Будда, Дхарма, Сангха; вместе с тем его представляют в качестве абсолютной реальности, представленной мириадами мельчайших частиц, образующих поток сознания и воплощающих мировой закон. При правильном

осознании можно сказать, что все в этом и любом другом мире есть Дхарма.

Частицы-дхармы, носители определенного качества, составляют основу всех вещей и явлений — как материальных, так и духовных. Сочетания их определяют особенности предметов и индивидуумов. Неизменно лишь то, что находится вне сочетаний. Источником энергии движения дхарм служат осознанные волевые действия, мысли и слова человека. Находящиеся в движении дхармы образуют пять форм существования (скандхи), через которые проявляется привязанность к земному:

- 1) тело, форма — рупа;
- 2) чувства — ведана;
- 3) восприятие и ощущения — санжна;
- 4) импульсы или стремление, порождаемые впечатлениями прошлого опыта, — санскара;
- 5) сознание — виджняна.

Совокупность этих пяти элементов создает то, что называется человеком. Каждое последующее сочетание форм пожинает плоды предыдущих сочетаний и закладывает основу будущих. Любое изменение в сочетаниях элементов способствует появлению на свет нового существа. Но это изменение, как правило, осуществляется последовательно, ибо движение скандх никогда не совершается случайно или вне закона. «Человек посеявший — не тот самый, который жнет, но он и не другой», — сказано в Учении.

Санскара-скандхи — это особая группа элементов, словно бы впитывающих в себя все особенности прочих скандх. Сохранение скандх сансары определяется необходимостью проявления. Буддой было сказано: «Твои сансары — следствия твоих поступков в прежних существованиях. Сочетание твоих санскар есть твое Я». Когда необходимость

проявления исчезает, они преобразуются в чистый свет, и твое Я перестает существовать.

Здесь мы подошли к такому важному понятию в буддизме, как карма: бытие любого живого существа есть следствие его прошлых деяний, а его будущее явится следствием его нынешнего существования. В этом заключена неуничтожаемость любого поступка, и отсюда вытекает ответственность человека за все совершаемое им. Сказано Буддой: «Воистину, из того, что было, создается то, что есть. Человек рождается согласно тому, что он создал. Все существа имеют наследие карму». Карма не судьба, не предопределение, она порождается нашим сознанием. Изменяя свое сознание, возможно достичь такого состояния, в котором уже не будет действовать закон причинно-следственных связей. Это состояние и есть освобождение, выход из цепи перерождений.

С законом кармы неразрывно связан закон взаимного происхождения, который передан Буддой как закон «Колеса перерождений» (Бхавачакра). В нем раскрыты 12 нидан (причин или ступеней) перерождения, а соответственно и страдания людей. Эти 12 ступеней символизируют три следующие друг за другом этапа жизни.

Прошедшая жизнь представлена первыми двумя ниданами:

- 1 — неведение, или омраченность (авидья);
- 2 — кармические результаты (санскара) как следствие неведения.

Далее идут восемь нидан, представляющих настоящую (данную) жизнь:

- 3 — индивидуальное сознание (виджняна), которое формируется санскаррой;
- 4 — сознание порождает ум и его выражение в определенной форме (нама-рупа).

Отсюда вытекает 5-я ступень — шесть чувственных способностей (шадаятана), а они в свою очередь порождают 6-ю ступень — соприкосновение (парша).

Соприкосновение порождает чувство (ведана) — 7-я ступень; чувства порождают желание (тришна) — 8-я ступень; желание порождает привязанность к бытию (упадана) — 9-я ступень; отсюда происходит возникновение, бытие (бхава) — 10-я ступень.

Будущая жизнь охватывается еще двумя ниданами.

Бытие влечет за собой новое рождение (джати) — 11-я ступень, рождение перетекает в старость и смерть (джара-марана) — 12-я ступень.

Таков цикл существования в мире сансары.

Из вышеизложенного можно увидеть, что источник и первопричина всех страданий человечества заключается в незнании (омраченности). Именно поэтому Будда утверждал, что самое непростительное — это человеческое невежество. Пребывая в неведении, люди не могут отличить достойное от недостойного, они не ценят того, что по-настоящему ценно, принимают иллюзию за реальность и страдают там, где не может быть страданий.

Путь, который выводит из тьмы неведения и ведет к освобождению, дан Буддой как знание Четырех Благородных Истин и Восемьмеричного Благого Пути.

Суть Благородных Истин такова: существует страдание; существуют причины страданий; можно прекратить страдания; есть путь к прекращению страданий.

Первая из Истин гласит: страдание испытывает любое живое существо. Рождаясь, старея, болея и умирая, мы страдаем. Мы страдаем от столкновения с неприятным и страдаем от потери приятного; невозможность обладания желаемым тоже несет

страдание. Это проистекает из постоянно совершающихся рождений и смертей — круга сансары. Создавая себе цели, мы надеемся достичь надежной постоянной защиты, достигая же этих целей, мы разочаровываемся; решая проблемы, мы ищем опоры в непостоянных, преходящих вещах, а утрачивая их, страдаем. Опыт сансары бесконечен, то, что кажется нам выходом, становится причиной новых страданий, и мы опять находимся в поиске. Вращаясь вечно в этом колесе, любое живое существо обречено страдать.

Вторая Истина говорит, что причина рождения, а значит и страдания, в поступках, совершенных нами в прошлых жизнях. Именно действия живых существ образуют карму, которая является причиной и следствием, воздаянием за совершенное нами как в этой жизни, так и во всех перерождениях. Хорошая карма ведет к благому воплощению, плохая — искупается страданиями.

Три основные причины отравляют сознание живых существ и не дают им вырваться из круговорота перерождений: неведение, гнев, вожделение.

Существуют шесть сфер (миров) сансары: мир богов, мир асуров (существ воинственных и злобных, находящихся в постоянной войне с богами), мир людей, мир животных, мир ненасытных духов *пре́та* (это духи, обитающие в преддверии ада, имеющие огромный живот и крошечный рот и поэтому вечно страдающие от голода и жажды) и мир ада. Эти шесть сфер и есть то жизненное пространство, в котором вращаются все живые существа.

Перерождение в том или ином мире происходит согласно закону кармы. Наиболее благоприятным для выхода из круга сансары является рождение в мире людей, ведь даже боги не свободны от чувств и желаний, а значит, находятся в плену все того же кармического круга перевоплощений. Если у су-

щества хорошая карма, то, возродясь в мире людей, он может при жизни соприкоснуться с Учением, стать на путь Будды и даже, благодаря своей воле и сознанию, достичь просветления в течение одной жизни.

Третья Истина — страдания заканчиваются вместе с полным угасанием желаний и привязанностей, и, как следствие, человек выключается из процесса перерождений. Наш ум перестает опираться на изменчивые формы, он становится непринужденным и свободным, покоится отныне сам в себе и достигает полного развития. Это состояние называется Нирваной или полным освобождением.

Как же достичь состояния освобождения?

Ответ дает Четвертая истина:

Единственным путем к спасению является Восьмеричный Благой Путь. Это путь, по которому следовал Будда и могут следовать другие. Он состоит из восьми ступеней или правил, которые таковы:

1 — правильные взгляды.

Так как невежество и заблуждение с их последствиями является коренной причиной наших страданий, то для самосовершенствования нужно иметь прежде всего правильные взгляды. Правильные взгляды — это правильное понимание, основанное на Благородных Истинах. Только познание этих истин, а не отвлеченные теоретические размышления о природе и самом себе, ведет нас, согласно учению Будды, к цели — Освобождению, или Нирване.

2 — правильная решимость.

Знание истин было бы бесполезно без решимости изменить свою жизнь в соответствии с ними. Существуют три условия, которые являются основой правильной решимости: отрешение от всего земного (привязанности к миру), отказ от плохих намерений, отказ от вражды к ближним.

3 — правильная речь.

Усваивая Благородные Истины, применяя их к повседневной жизни, мы направляем и контролируем нашу речь. Это означает прежде всего воздержание от лжи, клеветы, жестоких и безразличных слов.

4 — правильное поведение.

Следуя далее по пути Будды, мы не ограничиваемся выработкой правильной речи, наша правильная решимость должна воплотиться в правильное поведение. Оно заключается в отказе от неправильных действий — причинении зла другим существам, воровстве, удовлетворении дурных желаний.

5 — правильный образ жизни.

Отказываясь от дурной речи и плохих поступков, следует честным способом добывать средства к жизни.

6 — правильное усилие.

Здесь мы понимаем, что для внутреннего совершенствования недостаточно руководствоваться правильными взглядами, решимостью, речью, поведением и образом жизни. Необходим постоянный самоконтроль, чтобы старые вредные идеи, глубоко укоренившиеся в нас, или приобретаемые новые не заслоняли от нашего ума истинную природу вещей, не служили бы обузой на пути.

7 — правильное направление мысли.

Контролируя свои идеи, мы усваиваем правильное направление мысли, что прежде всего означает умение не концентрироваться на собственной личности, т. е. недопустимо думать: «это — я» или «это — мое». Если мы неправильно направляем свои мысли, то ведем себя так, как будто наше тело, ум, ощущения — это нечто постоянное и всегда ценное. Отсюда возникает чувство привязанности к ним, сожаление об их утрате, и мы становимся зависимыми от них и страдаем. Правильно направляя

свои мысли и размышляя о природе и сути вещей, мы освобождаемся от чувства привязанности, и для нас становится возможным правильное сосредоточение — как последняя и высшая ступень на Пути.

8 — правильное сосредоточение.

Это достижение состояния полной отрешенности от мира и избавления от каких бы то ни было желаний. Все, что не способствует достижению Нирваны, не должно быть объектом сосредоточения. Практикующий проходит четыре стадии все более и более глубокого сосредоточения, которые постепенно ведут его к конечной цели — прекращению страданий.

На первой ступени созерцания он сосредоточивает свой чистый и успокоенный ум на осмыслении истин и наслаждается радостью и покоем отрешенности от всего земного. Когда достигается такое сосредоточение, рассеиваются последние сомнения, и необходимость в рассуждениях отпадает. Это вторая ступень сосредоточения, которая несет в себе радость, покой и внутреннюю невозмутимость. На следующей, третьей, ступени совершается переход к способности отрешиться даже от радости сосредоточения. Здесь приходит совершенная невозмутимость и освобождение от ощущения телесного. Но остается сознание этого. Наконец, практикующий пытается избавиться даже от осознания освобождения и невозмутимости, а также и от всех эмоций. Тут он поднимается на четвертую ступень — состояние совершенной невозмутимости и самообладания, без страдания и без освобождения, что, по сути, является желанной целью — Нирваной.

Путь Восьми Ступеней развивает в человеке шесть совершенных качеств: сострадание, нравственность, терпение, мужество, сосредоточение и мудрость.

Идя этим путем, мы постепенно трансформируем свой ум и обретаем полное душевное успокоение, которое уже ничем не может быть нарушено.

Такой путь, как упоминалось раньше, называется «срединным путем», т. е. путем, пролегающим между двумя крайностями — роскошью и излишествами, с одной стороны, и крайней аскезой — с другой. Тот, кто следует Учению, не должен привязываться к внутреннему и внешнему, к существованию и несуществованию, к правильному и неправильному, он должен избавиться от заблуждений, перестать думать лишь о просветлении и стремиться к тому, чтобы плыть по середине реки. Это и есть срединный взгляд на вещи, срединный образ жизни. Человек, избравший этот путь, постигает непостоянство мира, в котором живет. Ему, кроме того, открывается закон причинно-следственных связей: его нынешние действия, слова и мысли станут его же будущим. Он также понимает, что, находясь в непрерывном круговороте перерождений, нельзя избавиться от страданий, и отныне для него единственным убежищем является Будда, его учение (Дхарма) и буддийская община (Сангха).

Особую роль для практикующегося в достижении внутреннего спокойствия имеют специальные практики — медитации. Это триединство внимания, сосредоточения и интуитивной мудрости. Здесь ум свободно покоится, внутренне концентрируясь на определенном образе или идее и постигая их сущность. Медитация ведет к успокоению, внутренней гармонии, выводит нас на новый уровень понимания. Мы освобождаем свой ум от водоворота мыслей, навязчивых идей, фантазий, ощущаем безграничное пространство, в котором возможно все; мы также освобождаемся от страхов, беспокойства, неврозов.

Согласно буддийским канонам, в процессе медитации развиваются пять истинных достоинств:

- доверие к Учению Будды (саддха);
- воодушевляющая энергия (вирия);
- стремление быть истинным во всем (сати);
- умение достигать в медитации абсолютного уровня в понимании вещей (самадхи);
- трансцендентальная мудрость (праджня), которая является не результатом наблюдений и логических выводов, а следствием духовного прозрения, спонтанного осознания.

Соблюдая все правила Благого Пути и усердно занимаясь медитацией, а также культивируя в себе сострадание и любовь ко всем живым существам, человек обретает освобождение от всего, что удерживает его в кругу сансары, и достигает Просветления.

Как учил Будда

Сиддхартха, обретя Просветление и став Буддой, оставался сидеть под деревом Бодхи. Он наслаждался чувством безграничной свободы и размышлял о том, как донести свое знание людям и захотят ли люди принять это знание, ведь оно в корне подрывает их привычные представления о себе и о собственном существовании. Ему казалось, что оно слишком сложно для того, чтобы передать его другим. Согласно легенде, это сам великий Брахма убедил Будду в необходимости учить людей, сказав, что у многих из них духовное видение лишь слегка замутнено, и они еще могут пробудиться, услышав проповедь. Вняв увещанию Брахмы, Будда согласился учить.

Из буддийских преданий, дошедших до нашего времени, можно получить ясное представление о характере речей Учителя. Он никогда не колебался в ответах на предлагаемые ему вопросы, а манера его разговора отличалась необычайной краткостью и четкостью выражений. Будда всегда входил в положение каждого ученика и слушателя, давая им

только самые необходимые пояснения в соответствии с их пониманием. Продвинутым и развитым даровал он безмолвное, внезапное познание Дхармы в глубоком сосредоточении и созерцании, а малограмотных крестьян учил углубляться в себя во время занятий повседневной работой. Доступность и убедительность учения Будды заключалась в его простых выражениях. Любимым средством его объяснений были сравнения и притчи, материалом для которых служила обыденная жизнь. «Я хочу, чтобы ты сейчас оценил одно мое сравнение, ибо многие разумные люди постигли истину посредством сравнения», — так обычно начинал свое поучение Великий Учитель.

Следующая притча показывает, какое серьезное значение придавал Будда умению вовремя найти нужные слова для каждого.

«Жил-был один богатый человек. Однажды его дом загорелся. Случайно он вышел по делу, а когда вернулся, то увидел дом, объятый пламенем. Человек позвал своих детей, играющих в пылающем доме, но они, не замечая пожара, продолжали играть. Тогда он принялся кричать детям, чтобы они скорее выходили из дома и спасались. Но те не слышали его. Вконец обеспокоенный отец тогда возопил: «Дети! У меня приготовлены для вас диковинные игрушки. Возьмите же их!» Услышав про игрушки, дети выбежали на улицу из горящего дома и спаслись».

Так же и многие другие люди не замечают, что живут в море заблуждений и страданий, поэтому Будда делает все возможное и прибегает к любым способам, чтобы донести до них свое спасительное Учение.

В то же время никогда Будда не обременял знаниями людей, не имевших для этого необходимой

подготовки. Он также не приветствовал тех, кто стремился лишь к отвлеченному знанию и не применял в жизни его полезное и практичное Учение. Когда некто спросил однажды Будду о начале всех вещей, тот невозмутимо хранил молчание. «Благородное молчание» Будды — не что иное, как отказ отвечать на нецелесообразные вопросы, вопросы, выходящие за пределы существующей реальности и уводящие от понимания вещей как они есть. Учитель считал, что задача учеников — не отворачиваться от жизни, а каждодневно стремиться улучшить ее и не тратить время на бесполезное умствование. На вопросы же о том, вечен ли мир или не вечен, бесконечен ли он или нет, какова природа Нирваны и т. п., Будда либо совсем не давал ответа, либо пояснял, пользуясь притчами, что все эти вопросы несущественны в сравнении с необходимостью спасения. Одна из таких притч рассказывает про глупца, в которого попала стрела, и который, вместо того чтобы сразу вытащить ее, стал тратить время на размышления о том, кто и где ее изготовил, кто и откуда мог ее выпустить. Он умер гораздо раньше, чем смог получить ответы на свои вопросы. Пренебрегая рассмотрением метафизических проблем, бесполезных для совершенствования и недоступных познанию, Будда, напротив, стремился говорить людям о самом важном для них: о страдании, его происхождении, способах избежать его, а также о том, как встать на путь, ведущий к прекращению страдания.

Конечно, Знание, полученное Буддой в момент озарения, возобладало над даваемым им Учением. Но, исходя из целесообразности и осторожности, он удерживался от поучений, которые не могли быть усвоены неподготовленными для этого учени-

ками и стать для них разрушительными. С каждым слушателем говорил Будда на своем языке. Ему не была нужна демонстрация «чудесных» сил, он знал, что убедительней всяких чудес сказанное к месту и ко времени слово. Будда призывал учеников воздерживаться от проявления своих «чудесных» способностей перед людьми, которые не понимали природы происходящего. Ибо это порождает гордыню в одном и поддерживает невежество в другом. «Я запрещаю вам, о бхикшу, пользоваться какими бы то ни было чарами и вызываниями, они бесполезны, ибо карма управляет всем. Тот, кто стремится совершать чудеса, тот не понял учение Татхагаты». Поистине чудесно то Учение, которое не нуждается в чудесах.

Также нет в учении Будды отвлеченности или мистичности. «Я говорю моим ученикам: „Вот Нирвана, вот путь к ней“». Основа Учения — это постоянная тренировка ума и размышления. Только личностные усилия способны изменить наше видение, только неуклонная целеустремленность позволит достичь цели. «Благословенный (Будда) есть лишь указатель пути».

Истинной драгоценностью и великой освобождающей силой называл Будда любовь и сострадание ко всем живым существам. Они явились основной мотивацией в решении Будды добиться Просветления, они остались основным мотивом и в его решении проповедовать свое Учение, и они должны оставаться источником вдохновения для тех, кто хочет идти путем Будды. «Превыше всего — любящее сердце». Без любви и сострадания невозможно освобождение, только они способны расширить человеческое сознание и помочь обрести ему высшее духовное состояние. «Любовь, освободительница ума, вмещает в себе все, сияя, сверкая и излучая», — учил Будда.

Будда, утверждая во всем знание, не принимал догм и не видел пользы в слепой вере. Во всем рекомендовал он руководствоваться разумом, удерживаясь от крайностей, и не совершать никакого действия без предварительного критического рассмотрения. «Поэтому я учил вас, — говорил он, — не верить только потому, что вы слышали, но лишь тогда, когда это проверено и принято вашим сознанием».

Сангха

Одно из важных понятий в буддизме — это понятие Сангхи, общины монахов (бхикшу) или монахинь (бхикшуни). Сангха, в которой обретает прибежище буддист, является одной из «Трех драгоценностей» наряду с Буддой и Дхармой.

Термин «Сангха» очень емкий, его можно употребить и ко всем буддийским монахам в мире, и к монахам конкретной школы, и к монахам, живущим в монастырях, и к монахам-отшельникам, и т. д. В настоящее время под Сангхой могут пониматься также и мирские последователи Учения.

Сангха была очень важна для Будды, именно она служила ему опорой в его нелегком деле — передаче Учения. Основывая свои общины, Будда прежде всего хотел создать наилучшие условия для тех, кто твердо решил работать над расширением своего сознания для достижения высших целей. Такая работа требовала от учеников необыкновенной концентрации, постоянного самоконтроля над мыслями, чувствами, поступками. Все это было невозможно в условиях обыденной жизни, где тысячи внешних обстоятельств и мелких нужд постоянно отвлекают практикующего. Но, пребывая в общи-

не, среди людей, близких по духу, с одинаковыми устремлениями и целью, живущих в одном ритме, ученик обретал возможность, не растрчивая напрасно энергию, быстро развиваться. По завершении же процесса обучения Будда посылал своих адептов учителями жизни и провозвестниками Дхармы.

Общины Будды не были закрытыми монастырями, и вступавшие в них не проходили сложного посвящения или испытания. По словам самого Учителя, лишь осознание Учения делало из пришедшего нового человека буддиста. Членом Сангхи мог стать каждый, вне зависимости от пола, расы, социального положения. Когда же человек терял желание следовать Учению, ничто не задерживало его в общине. Выход из общины был так же прост, как и прием. Существовало много примеров, когда люди, покинувшие общину, впоследствии опять возвращались в нее. Вступивший же в Сангху обязан был соблюдать в жизни простоту и нравственность. Разные люди приходили в общину, и самые различные их устремления и поиски находили там разрешение.

В Сангхе устанавливалось полное равенство всех членов. Один член общины отличался от другого лишь сроком своего вступления. Будда не хотел устанавливать слишком много правил и стремился избежать излишней педантичности в уставе, сохраняя самостоятельность ученика. Это происходило из того, что для достижения цели нужны были именно личностные усилия, и каждый ученик, по сути, являлся своим собственным освободителем.

При поступлении в общину происходил полный отказ от личной собственности, причем это должно было быть не столько внешнее действие, сколько осознание. Данный постулат может быть замечательно проиллюстрирован следующим эпизодом из

жизни Сангхи. Ученик спросил Будду, как ему понять заповедь отказа от собственности, ведь он отринул все вещи, но его продолжают упрекать; другой же ученик не покидал вещей, но не получил порицания. Будда ответил: «Чувство собственности измеряется не вещами, но мыслями. Можно иметь вещи и не быть собственником». Также Будда призвал своих учеников отказываться от всего, что делает жизнь легкой и условно приятной. «Отказ от всего личного рождает чувство истинной свободы, от свободы рождается радость, от радости — удовлетворение, от удовлетворения — чувство покоя и счастья».

С большой любовью и вниманием относился Будда к своим ученикам. Стремясь помочь им в росте и развитии сознания, он каждому назначал индивидуальную дисциплину. Своим примером вдохновлял он их на мужество, терпение, сострадание. Монашеские правила не имели первостепенной важности, главным было сочетание личной воли и устремлений учеников.

После ухода Учителя ранним буддийским общинам удавалось сохранить тот жизненный дух и атмосферу, которые существовали при жизни Будды. Позднее, после оформления его Учения в буддийские каноны (Трипитака), произошло увеличение правил и запретов в уставе Сангхи. Это прежде всего связано с отсутствием вдохновляющего примера Учителя и поиска опоры в четкой регламентации жизни членов общины.

В варианте устава, который существует сегодня и распространен во многих странах, Сангха — это община монахов, живущих за счет подношений. При этом монахи не являются священнослужителями, т. е. не берут на себя роль посредника между Буддой и человеком. Мирянин становится монахом по своему желанию и пребывает в буддийской общине

столько, сколько сочтет нужным. Исключение составляет Шри-Ланка, где большинство уходят в монахи на всю жизнь. По традиции становиться членом общины меньше чем на один месяц неприлично. Как говорилось выше, в Сангху может войти человек любого пола, любой национальности, из любого социального слоя.

Все монахи и монахини живут по единым правилам, записанным в Виная-питаке (одной из трех частей Трипитаки, которая является кодексом нравственных и общинных постановлений буддизма). Для монахов определено 227 правил, для монахинь — 300. Все они обязательны, и нарушение их влечет за собой различные наказания, вплоть до исключения из Сангхи, хотя в большинстве случаев это просто добровольное покаяние. Общину составляют: мальчики, послушники и монахи. Мальчики принимаются в Сангху с 6 лет. Обычно это дети из бедных семей, которых отдают родители для получения хорошего воспитания, а также чтобы их научили читать и писать. В дальнейшем, с 10 и до 20 лет, они пребывают послушниками. Для послушника обязательно соблюдение десяти заповедей:

- не убивать;
- не воровать;
- не прелюбодействовать;
- не лгать;
- не употреблять спиртного;
- не есть после полудня;
- не петь и не танцевать;
- не носить украшений;
- не пользоваться мягкими удобными сиденьями и кроватями;
- не брать деньги.

Послушник также должен изучать Дхарму, Виная-питаку и готовиться к переходу в монашеский сан. По достижении 20 лет он посвящается в мона-

хи. Эта несложная процедура состоит из трехкратного произнесения формулы: «Я принимаю прибежище в Будде, я принимаю прибежище в Дхарме, я принимаю прибежище в Сангхе». Далее необходимо ответить на ряд вопросов, таких как: имя послушника, кто его учитель, есть ли у него согласие родителей, исполнилось ли ему 20 лет, свободен ли он, не имеет ли долгов, не состоит ли на военной службе и т. д.

Женские Сангхи немногочисленны и организованы по образцу мужских, но все главные церемонии в них (прием, исповеди, проповеди и т. д.) проводятся специально приглашающимися монахами ближайшей мужской общины. Женские монастыри, в отличие от мужских, располагаются не в удаленных и пустынных местах, а вблизи от поселений.

Распорядок дня буддийской общины определяется исходя из правил все той же Виная-питаки. Встают монахи с восходом солнца, принимают пищу только в первой половине дня, как правило, дважды (ранним утром и около двенадцати часов), отходят ко сну с наступлением темноты. Все остальное время они посвящают учебе и медитации. Те из монахов, которые хотят в дальнейшем продвигаться по духовной иерархической лестнице, должны изучать санскрит, пали и дословно запоминать великое множество священных текстов. После десяти лет обучения и пребывания в Сангхе прилежный монах получает степень, соответствующую его знаниям. Еще через десять лет ему присваивается следующая степень. По монашескому уставу, члены общины не участвуют в социально-политической жизни общества, видя свою главную цель в духовных практиках.

Три основных направления в буддизме

Как уже упоминалось выше, Буддой были даны три вида поучений. Эти поучения послужили фундаментом для разных направлений буддизма: Хинаяны, Махаяны и Ваджраяны. Ни одно учение не было записано при жизни Будды. Все они суть одно, у всех них один корень. Их последовательное возникновение явилось следствием необходимости решения психологических задач, связанных с новыми временными условиями и дальнейшим распространением буддизма. Одна древняя метафора заслуживает того, чтобы привести ее здесь: Хинаяна есть фундамент дворца, Махаяна — его стены и общая конструкция, Ваджраяна — это вершина, золотая крыша, которая существует благодаря фундаменту и стенам, создавая гармоничную завершенность сооружения. Таким образом, буддизм — это и дисциплина «Малой колесницы», и неограниченность «Большой», и спонтанность «Алмазной».

Учение, данное Буддой, было единым, цельным, всеохватывающим. Но после ухода Учителя между его последователями возникли разногласия, обусловленные различными взглядами и трактовками

Учения. Со временем это привело к возникновению разнообразных направлений и школ.

На протяжении пяти веков учение Будды передавалось в устной форме, и только в конце I века до н. э. оно было записано на языке пали и легло в основу Палийского канона. До полного же объема данный канон был доведен к V веку н. э. и явился основным текстом одной из школ Хинаяны — тхеравады. Канон носит название Трипитака («Три корзины»). Трипитака представляет собой свод текстов, основанных на откровениях Будды Шакьямуни и считается самой исторически авторитетной записью его «Закона».

Канон включает в себя три части: Виная-питака — дисциплинарные правила поведения монахов; Сутта-питака — собрание изречений и проповедей Будды; Абхидхамма-питака — систематизация и толкование Учения. В нем, в частности, описаны принципы устройства мира и Вселенной, даны основные законы, движущие живыми существами.

Буддизм Палийского канона — Хинаяна, или «Малый путь спасения» — ранняя форма буддизма, в которой делался упор на изучение природы дхарм и достижение нирваны этическим путем (т. е. следуя Восьмеричным Благим Путем). Предполагалось, что этот путь сложен и доступен лишь небольшому кругу последователей, в основном монахов (отсюда и название — «Малая колесница»). Это путь помощи самому себе. Каждый может и должен сам для себя достигнуть высокой цели. Доверяя своим способностям, веря во всеобщий закон кармы, последователь Хинаяны надеется получить освобождение в этой или какой-нибудь другой, будущей жизни. Его цель — Нирвана. Хинаянист твердо придерживается слов Будды: «Будь светильником самому себе».

При знакомстве с Палийским каноном создается впечатление, что Нирвана может быть достигнута только за счет собственной воли, настойчивых усилий, строжайшего самоконтроля и дисциплины. Ищущий должен отказаться от всех прочих дел и стремиться только к достижению абсолютного идеала. Подобная установка привела к тому, что монахи стали изолироваться. Они объявили себя единственными хранителями Учения, а всех остальных они рассматривали как источник подаяний и милостыни. Монашеские сангхи стремились к замкнутости, считая, что таким образом смогут избежать страданий. Принцип личного спасения возобладавал над сочувствием к живым существам.

В противовес этому возникло и стало развиваться внутреннее антимонашеское движение, направленное против монастырских старейшин. На втором Буддийском соборе, который состоялся через сто лет после ухода Будды, в городе Вайшали, произошёл первый раскол между теми, кто хотел развивать Учение, сообразуясь с новыми условиями, и теми, кто хотел придерживаться надежного пути, следуя установленному обычаю.

В III в до н. э. царь династии Маурьев Ашока принял буддизм и объявил себя его покровителем и защитником. Он построил множество храмов, буддийские монастыри получили богатые подношения, и все большое количество людей становились последователями Учения. Но рост влияния и богатства Сангхи лишь усугубил внутренние противоречия. Для преодоления их Ашока созвал третий Буддийский собор, и это на некоторое время сгладило ситуацию. На том же соборе было принято решение отправить группу монахов для проповедования буддийского учения за пределами Индии, что послужило началом распространения буддизма во

всем мире. Но внутри Сангхи процесс раскола шел дальше, разногласия ширились и углублялись. Это вело к возникновению новых школ и направлений.

На рубеже I—II вв. во времена правления ревностного буддиста царя Канишки был созван четвертый Буддийский собор. Именно на этом соборе был оформлен раскол между сторонниками разных направлений и заложены основы самостоятельного существования школы Махаяны. К самым ранним текстам, которые послужили фундаментом Махаяны, относится сутра «Совершенствования мудрости» («Праджня-парамита»). По легенде считается, что Будда Шакьямуни проповедовал это учение нагам (змеям) в благодарность за то, что некогда змей раскрыл над ним свой капюшон и защитил от дождя во время глубокой медитации под Древом Бодхи. Это учение не могло быть понято людьми в тот период, и только через 500 лет Нагарджуна возвестил его вновь и этим запустил «Колесо» Махаяны.

Нагарджуна родился в богатой семье брахманов на юге Индии. Со временем он стал буддийским монахом и даже был настоятелем в монастыре. В это время в стране свирепствовал голод, подношения были скудными, и монахи голодали. По преданию, Нагарджуна отправился на далекую планету и принес оттуда секретный состав, превращающий обыкновенный металл в золото. Посредством этого золота Нагарджуна поддерживал монахов в течение шести лет. Монахам стало известно о его занятиях и о том, что он торгует золотом на вес, и Нагарджуна был изгнан из монастыря, так как подобные действия считались нарушением правил Виная-питаки. Покинув монастырь, Нагарджуна уединился в лесу и занимался духовной практикой. Ему удалось достичь высшего духовно-

Нагарджуна

го совершенства Махасиддхи. Впоследствии он создал множество учений и у него было много учеников. Он проповедовал даже нагам (как и Будда Шакьямуни). От них он и получил двенадцать томов Праджня-парамиты (ныне хранящихся в храме Нагарджуны в Катманду) наряду с особой глиной для изготовления ритуальных ступ. Последние годы жизни Нагарджуна провел, медитируя в горах на юге Индии. По разным источникам, его земная жизнь заключалась в пределах от 150 и до 300 лет.

Одной из важнейших особенностей Махаяны является то, что путь достижения спасения оказывается доступным не только монаху, но и любому мирянину. Проблема кармической замутненности сознания становится менее важной, зато на первый план выдвигается возможность достижения состояния Будды для всех, потому что в каждом из живущих изначально присутствует Будда-природа. Одно из кардинальных положений Махаяны гласит: все существа наделены природой Будды, и могут стать Буддами. Это подобно запыленному зеркалу: мы стираем пыль ложного видения и освобождаем чистый необусловленный взгляд на вещи.

Последователи Махаяны также вернулись к первоначальному Учению Будды о сочувствии ко всем живым существам. Индивидуальное освобождение невозможно, если все остальные страдают. Каждый должен использовать достигнутый опыт во благо других.

Новыми героями становятся бодхиствы — небесные и земные. Небесные бодхиствы — это существа, которые обрели Просветление, но, в силу своего сочувствия, дали обет не вступать в конечную Нирвану и помогать достичь ее всем чувствующим существам. Ради них согласились они родиться снова и снова в круговороте сансары. Земные же бодхисаттвы являют собой монахов и

мирян Махаяны, основной мотивацией которых на пути к Просветлению является сострадание вкупе с любовью к ближним. Бодхисаттвы — великие помощники, обладающие интуитивной мудростью (праджня). Их общение с миром основано на сопереживании, которое помогает другим освободить свой разум от привычной сосредоточенности на себе. Собственные страдания преодолеваются сочувствием, которое становится настолько всеобъемлющим, что личное горе теряет свое значение, и боль трансформируется в средство освобождения.

В аспекте религиозного поклонения бодхисаттвы представляют собой совершенных существ, занимающихся земными делами и творящих подвиги любви и милосердия. Их покровительство можно обрести в результате строгого исполнения обрядов и чтения молитв. И здесь наряду с Нирваной в качестве сверхзадачи предстает вполне реальная возможность достижения рая — царства бодхисаттв, попав в который и пройдя разные этапы совершенствования, можно обрести Просветление. Как, например, в Сукхавати («Чистой земле») — западном рае будды Амиабхи (будды «Безграничного света»). Также особо почитаемы бодхисаттвы Авалокитешвара («Воплощение сострадания»), Манджушри («Воплощение мудрости»), Ваджрапани («Уничтожитель заблуждений»), Майтрея («Будда будущего»), готовый, когда настанет время, явиться в человеческом облике на Землю, чтобы проповедовать Учение.

Истинное сочувствие рождается из переживания шуньяты (пустоты). Идея пустоты составляет главный смысл учения Махаяны. По легенде, когда Буддой впервые было дано поучение о шуньяте, многие из присутствовавших умерли от разрыва сердца, им нелегко было сжиться с идеей о том, что не только твое собственное «Я» является иллюзор-

ным, но и все существующие явления не имеют собственного существования и являются такой же иллюзией, которую не удержать и которой не завладеть. «Все явления возникают и исчезают, постоянно меняясь».

Идея пустоты получила дальнейшее развитие в трактате Нагарджуны «Учение о Пустоте». Иначе его еще называют Мадхьямика, или «Срединный путь». Это учение наглядно демонстрирует абсурдность приверженности любым теориям и концепциям реальности, а также показывает возможность естественного и свободного пребывания разума вне всяких систем. При этом даже сама идея шуньяты должна исчезнуть. «Учение о Пустоте» является орудием, с помощью которого разрывается порочный круг приверженности тому, что обеспечивает человеку его материальное и духовное благополучие. Оно (имеется в виду Учение) показывает относительность всего существующего: ни одна вещь не является абсолютно реальной, а существует только в отношении к другим вещам. Это касается и предметов, и живых существ, и событий. Отсюда же следует относительность между Нирваной и Сансарой, между пробуждением (бодхи) и омраченностью. Стремление к Нирване означает существование Сансары; если человек ищет путь к просветлению, значит, он находится в состоянии неведения. Точно так же, как идея света порождает идею тени, там, где заканчиваются идеи, рождается шуньята. Из вышесказанного вытекает знаменитая формула: «Форма не отлична от пустоты, пустота не отлична от формы. Форма в сущности есть пустота, пустота в сущности есть форма». Именно через осознание того, что наши тело, ум и чувства находятся в непрерывном процессе изменения и нашему «Я» не на что уже опереться, что во всей Вселенной нет ничего, чем можно бы было овладеть, и нет никого,

кто мог бы чем-нибудь овладеть, ибо нет разделения между воспринимающим, воспринимаемым и восприятием. Посредством осознания всего этого рождается интуитивная мудрость (праджня). Она «переворачивает» сознание, разрушает все умозрительные конструкции, делает ненужными любые уловки самоутверждения. Ум освобождается, разбивая древнюю скорлупу эго, и наступает момент, когда уже ничего не остается, кроме ясного, непринужденного осознания. Таков внутренний процесс, которому учит Нагарджуна, его целью являются переживание и новое видение, приходящие, когда работа выполнена.

В Махаяне Будда часто рассматривается как олицетворение самой реальности или Пустоты, имеющей три способа бытия. Он теперь выступает в трех качествах, в трех связанных друг с другом «телах» («Трикайя»).

Дхармакайя — это изначальная ступень, высшая, безликая, космическая, т. е. шуньята.

Самбхогакайя («Тело Блаженства») — проявление Будды в активном сострадании.

Являясь на Землю для провозглашения Учения в человеческом образе, он выступает как Нирманакайя («Тело цвета и формы»). Одним из таких Нирманакайя был Шакьямуни.

Главными школами Махаяны были школа Мадхьямики и школа «йоги сознания» — Йогачара. Как говорилось выше, Мадхьямика, основанная Нагарджуной, проповедовала Срединный путь, основанный на теории шуньяты (пустоты). Учение Йогачары было разработано братьями Асангой и Васубандху (280—300 г. н. э.). По нему, наш мир форм представляет собой либо чигтаматру — «только ум», либо виджнаптиматру — «только представление». Все явления существуют не как отдельные объекты, а как процесс познания, и вне этого про-

цесса они реальностью не обладают, т. е. мир порождается сознанием. Здесь главный упор делается на йогическую практику, на непосредственный опыт. Обе школы, кстати, существуют до сих пор.

Уже в начале I тысячелетия н. э. от Махаяны отделяется Ваджраяна («Алмазная колесница»), которая становится третьим основным направлением в буддизме. «Ваджра» означает «алмаз» и символизирует пробуждение, просветление, подобное мгновенному удару грома или вспышке молнии. Другое его название — тантрический буддизм, впитавший в себя наследие Хинаяны и Махаяны и дополнившийся новыми методами и практиками. Своеобразие Алмазной Колесницы связано именно с ее методами, хотя цель их все та же — достижение Просветления для блага всех живых существ. Ваджраяна также называется венцом буддийского учения. Уникальность ее состоит в том, что опыт просветленного состояния передается учителем, когда ученик достаточно к этому подготовлен и открыт. Такой способ способствует очень быстрому развитию сознания, и Освобождение становится возможным не в каком-то отдаленном и неведомом будущем, а еще при жизни адепта.

Ваджраяна с ее концепцией о главенстве в духовном пути практических средств развила многоуровневую систему йоги. Здесь акцент переносится на практики созерцания, ритуально-медитативные упражнения, звучание мантр.

Тантры представляют собой базовые тексты Ваджраяны и, как сутры, считаются словом Будды. Обычно они делились на четыре класса:

1) крия-тантры — тантра действия, ритуальные действия тела и речи;

2) чарья-тантры — тантры исполнения, где к ритуальным внешним действиям добавляются простые йогические медитации ума;

3) Йога-тантры — сложные йогические медитации ума;

4) аннута́ра-йога-тантры — тантры наивысшей Йоги, подразделяющиеся на отцовские, материнские и недвойственные. Отцовские отдают предпочтение активному состраданию и акцентируют методы, что является проявлением мужского начала духовности; в материнских основным считается открытие интуитивной мудрости (праджня) как женского начала; недвойственные, относящиеся к «Йоге Великой полноты», — это слияние двух начал, состояние совершенства и единства всего сущего.

Каждому типу тантр соответствуют свои методы. В первых трех классах основными считаются визуализация символических образов, чтение мантр, созерцание мандал.

Ваджраяна имеет свою, тщательно разработанную, технику визуализации. В качестве примера упомянем один из приемов, называемый «садхана», в котором практикующий должен представить самого себя буддой или бодхисаттвой, которые символизируют состояние просветленного разума, что способствует скорейшему развитию совершенных качеств. Обычно визуализация сопровождается чтением мантр, посвященных соответствующим буддам (бодхисаттвам).

Мантра, или «сокровенное изречение», представляет собой особый набор звуков, где смысл составляющих ее слов имеет второстепенное значение. Звукосочетания мантр рассчитаны на непосредственное воздействие самого их звучания, звуковых колебаний, а также модуляций голоса, которым они произносятся. Чтение мантр имеет в Ваджраяне столь большое значение, что иногда путь первых классов тантр называется мантраяной (Колесницей мантр).

Мандала (в переводе: круг, орбита, страна, пространство) — сложное сакральное понятие в буддизме, под которым понимается магическая диаграмма, символическая карта Космоса. Она строится по строгим канонам и предназначена для созерцания, где высшая стадия — слияние с космическим Абсолютом.

В аннута́ра-йога-тантрах (тантрах наивысшей Йоги) используют все описанные выше методы, но содержание их в значительной степени изменено. Кроме того, эти тантры имеют ряд специфических черт. Тантрические тексты наивысшей Йоги показывают прежде всего, что любые темы и ситуации в жизни, даже самые ужасные и преступные, вполне могут послужить материалом для совершенствования — если, конечно, речь идет об истинном йогине. Здесь постулат Махаяны о тождественности и недвойственности Сансары и Нирваны трансформируется в утверждение о том, что путь удовлетворения всех страстей тождественен пути отказа от них. Для правильного понимания этого необходимо уяснить, что работа тут ведется на уровне подсознательного и бессознательного с использованием необыкновенных образов данного уровня для эффективного устранения первопричины негативных эмоций — привязанностей, страстей и влечений. Практика поэтому подбирается здесь индивидуально, исходя из типа преобладающей омраченности: гнева, неведения, гордости или зависти, которые в конечном результате осознаются и трансформируются.

Работая с подсознанием, тантрические йогини особое внимание уделяли сексуальной энергии (либидо) как неисчерпаемому источнику силы духовного продвижения человека. Еще шестой Далай-лама говорил: «Если стремление человека к Дхарме уподобляется по силе любовному жела-

нию, он станет Буддой в своем телесном облике прямо при жизни». Как говорилось выше, пробужденное сознание обретается из слияния сострадания и методов, помогающих живым существам (каруна, символ — скипетр-ваджра) обрести интуитивную мудрость (праджня, символ — колокольчик). Это соотносится с мужским (активным) и женским (пассивным) началами. Соединение этих начал и порождает бодхи. Символ единства сострадания/метода и интуитивной мудрости выражен в изображениях божеств, находящихся в союзе. Но тантрическая йога отнюдь не является пособием по технике секса или руководством для получения эгоцентричного наслаждения. Ее образно-эротическая форма имеет лишь вспомогательное значение, а подробное изложение стадий сексуального наслаждения в тантрах являет собой лишь символическое описание ступеней преобразования сознания.

Вообще работа с энергетикой приводит к овладению йогиним различными сверхспособностями (ридри), например, умением левитировать или становиться невидимым и т. п. Данная тенденция нашла наивысшее выражение в образах махасидхов (великих совершенных), которые противостояли формализму и закостенелости традиционного монашеского образа жизни. Они видели свой путь в переживании непосредственного индивидуального опыта, в практике. Их не интересовали тонкости интерпретации Учения или бесконечные дискуссии о понимании того или иного термина. Они вели свободный образ жизни, не связывая себя никакими формальностями или обетами, даже внешний облик отличал их от обычных монахов: они носили длинные волосы, а иногда и бороды. Это были великие отшельники, о которых складывали легенды.

Например, существует предание о великом тибетском йогине-сиддхе и поэте Миларепа (XI—XII вв.), в котором описывается, как он укрылся от дождя в брошенном на дороге костяном роге, причем рог не увеличился, а Миларепа не стал меньше. Считается, что йогин может не только увеличивать или уменьшать собственное тело, но может сделать его бессмертным — в целях наиболее полного выполнения обета бодхисаттвы — помощи все живым существам. В Бурятии ходит легенда, что знаменитый йогин Сараха, реально живший в VII в., посетил как-то один из монастырей, причем его визит пришелся примерно на двадцатые годы минувшего (т. е. двадцатого!) столетия. В образах таких махасиддхи, как Наропа, Тилопа и Майтрипа, много гротескного, нарочито шокирующего, поражающего обыкновенного человека, привыкшего к стереотипным представлениям о святости и благочестии, но именно эти образы еще раз показывают нам, что в Ваджраяне нет ничего, что не могло бы быть использованным на пути Освобождения, нет ничего, что следовало бы отвергнуть как лишнее и мешающее.

Любые жизненные ситуации в Ваджраяне используются как путь к Просветлению. Негативные энергии здесь не удерживаются и не уничтожаются, а преобразуются в силу, которая способствует духовному росту. Учителя Алмазной Колесницы лишь показывают ученикам, что просветленная энергия уже является частью их неврозоз, и все мешающие чувства могут быть трансформированы в свои противоположности.

Хотя Ваджраяна и открывает для человека возможность мгновенного Просветления, этот путь является, однако, наиболее опасным. Это путь для тех, кто подготовил себя к принятию этого Учения.

Майпуна

Его сравнивают с прямым восхождением к вершине горы по веревке, натянутой над пропастью. Ваджраяна предполагает полное самообладание и точность в мыслях, чувствах и действиях. Без осознанного стремления помогать другим занятия тантристскими практиками опасны и могут привести к полному саморазрушению. Гарантией успеха на этом опасном пути может служить строгая приверженность идеалу бодхисаттвы — Просветление ради помощи всем существам. Если же у практикующего главной мотивацией служат стремление к собственному преуспеянию и желание личной славы, его психологический ущерб и духовная деградация неотвратимы. Именно поэтому роль учителя в тантрическом буддизме особенно велика.

Тибетский буддизм

Истоки Ваджраяны лежат в буддийском тантризме, который формировался в Индии в V—VII вв. и к концу I тысячелетия стал доминирующим направлением буддизма в этой стране. Но подлинный расцвет и развитие Ваджраяны получает в Тибете, куда это учение проникает к началу VII века.

Тибетцы называют свою страну «Землей снегов». Она расположена на высоком горном плато, и условия жизни там весьма суровые. Местное население — очень практичные, земные люди, в основном пробавлявшиеся крестьянским трудом. В то же время это был весьма воинственный народ, успешно сражавшийся даже с таким могучим противником, как Китай. Местная религия бон-по («Черная вера»), заключавшаяся в тесном единении с силами природы и развитию культа умерших предков, казалась тибетцам гораздо более подходящей для них, нежели абстрактные идеи сострадания и спасения. И хотя процесс обращения тибетцев в буддизм оказался исключительно непростым, именно Тибет на протяжении многих веков сохранял свой статус главного центра, где сама доктрина Учения Будды

не только не была утрачена, но еще и свято почиталась.

Первое проникновение буддизма в «Землю снегов» связано с именем правителя страны (цанпо) Сронцангамбо (629—649). По древним источникам, это был талантливый и отважный государь, который много и небезуспешно воевал. Разгромив армии Непала и Китая, он закрепил свою победу браками: с непальской принцессой Бхрикути и китайской принцессой Вэн-чэн. Именно эти бракосочетания способствовали обращению царя в буддизм. В свите принцесс среди прочих присутствовали буддийские монахи, располагавшие большим количеством священных текстов и реликвий. Книги впоследствии стали переводиться на тибетский язык и составили основу Тибетского канона — Ганджура, который почитается наравне с Палийским канонам.

Вновь обращенный царь был признан земным воплощением Авалокитешвары, бодхисаттвы милосердия. Сострадав живым существам, он обронил две слезинки: из одной вышла Белая Тара (Тара милосердия), а из второй — Зеленая Тара (Тара, борющаяся со злом и исполняющая желания). Их перерождениями и были объявлены обе принцессы.

Буддизм тогда процветал: строились новые храмы, привозились издалека рукописи, отливались изображения будд и бодхисаттв. Но ранняя смерть Сронцангамбо, не оставившего наследника, приостановила процесс буддизации Тибета. Этому способствовали в немалой степени и жрецы религии бон. Власть в стране захватил могущественный министр Мажан. Он разрушил построенные храмы (один из них был даже превращен в бойню!), выслал буддийских монахов, а государственной религией объявил «Черную веру». Однако возмездие не заставило себя долго ждать. Воспоследовавшая в

скором времени смерть Мажана приостановила гонения на буддизм, правда, вернуть прежние позиции было уже невозможно.

Спустя столетие после смерти Сронцангамбо на престол Тибета восходит Тисрондепан, который выступает защитником и покровителем буддизма. Он объявляется воплощением Маньчжушри, бодхисаттвы мудрости. Тисрондепан приглашает в страну известного знатока буддийского тантризма Падмасамбхаву («Рожденного Лотосом»).

Выбор Падмасамбхавы не был случайным. Как упоминалось выше, в качестве местной религии имелся бон с его магией и заклинаниями. Жрецы «Черной веры» умели обращаться и управлять духами стихий. Против них мог выстоять только человек, достигший совершенства в овладении не только буддийской доктриной и аскетизмом, но и магией. Падмасамбхава обладал всеми этими качествами, он был непревзойденным йогом и сиддхи (обладателем сверхъестественных способностей). Считалось, что он мог укрощать злобных божеств, летать по воздуху, узнавать прошлое и будущее, творить чудеса посредством магии заклинаний.

По легенде, Падмасамбхава появился на свет чудесным образом: в лотосе в виде восьмилетнего мальчика, который заявил, что он пришел в этот мир трудиться на благо всех живых существ. Царь этой страны признал в нем божественного гуру и взял к себе во дворец, где Падмасамбхава прожил много лет. В положенное время он отправился путешествовать по различным местам в Индии, обитал на кладбищах, выполнял различные формы медитации и йогические практики, овладевал сакральными знаниями тантризма. В древних текстах, с целью привести пример необыкновенных способностей Падмасамбхавы, рассказывается о его встрече с могущественным и необычайно жесто-

ким индийским царем Ашокой, после которой сердце Ашоки чудесным образом изменилось. Он стал поддерживать буддийскую Дхарму, построил миллион буддийских ступ в разных частях своего царства.

Вот такой учитель и прибыл в Тибет. Осваиваясь постепенно на новом месте, Падмасамбхава подчинил все препятствующие ему негативные силы, но, как великий йогин, не уничтожил их, а превратил в хранителей буддийского учения. Из них впоследствии вышли защитники-докшиты, имевшие весьма устрашающий вид и напоминавшие бонских демонов. Падмасамбхава реформировал пришедший в упадок тибетский буддизм, влив в него новую энергию тантризма. Сущность его учения — это внезапность постижения просветленного разума; не зря одним из символов доктрины Падмасамбхавы является «Безумная мудрость» — грозная фигура, скачущая верхом на тигре, — олицетворение абсолютного бесстрашия. Сила этой мудрости заключается в свободной импровизации, ориентированной на характер обстоятельств; она спонтанна и лежит за пределами любого рассуждения. Как великий сиддхи Падмасамбхава демонстрировал, что, чем бы ни занимался человек, все это есть выражение его Будда-природы, и любую ситуацию можно использовать для развития просветленного разума. Поэтому учение Падмасамбхавы в Тибете называют еще и «Прямым путем». Ему также принадлежит основание школ ньян-па и дзогчена, практика которых предполагает принятие всего безоценочно, внедвойственно, без одобрения или отрицания, поскольку сутью любого действия или вещи является природа Изначальной мудрости, а подлинный вид этой мудрости есть шуньята (пустота).

Падмасамбхавой была освящена земля и заложен первый тибетский монастырь Самье. Вокруг

него было много учеников, которым он преподавал учение Ваджраяны, сообразуясь с их индивидуальными способностями, и, как говорят, многие тибетцы достигли просветления. Падмасамбхава пробыл в Тибете после смерти Тисрондецана еще пять лет. В тот день, когда он покидал страну, его отправились провожать ученики, царь и придворные. Он остановился на горном перевале, находящемся на границе Тибета и Непала. Никто не должен был идти за ним дальше. Начав давать свое последнее поучение, он растворился в радужном свете — в состоянии мудрости за пределами рождения и смерти. Среди буддийских учителей Падмасамбхаве отводится особое место. Большинство тибетских религиозных школ восходят непосредственно к его общине.

После ухода Падмасамбхавы из Тибета буддизм снова подвергся гонениям. В 839 году был возведен на престол сторонник «Черной веры» принц Лангдарма. На последователей Будды в очередной уже раз обрушились суровые преследования. Стремясь всячески надругаться над буддийским вероучением, Лангдарма приказал одну половину монахов обратить в мясников, а другую половину — в охотников, тех же, кто не подчинился, он безжалостно казнил. Книги, священные реликвии, произведения искусства — все это уничтожалось. Для буддизма настали тяжелые времена, и даже смерть Лангдармы не спасла его от притеснений.

Новый виток распространения буддизма в Тибете начинается с X—XI вв. при поддержке могущественных феодальных семейств Западного Тибета. Активизация буддизма сопровождалась приглашением новых проповедников, таких, как, например, выходец из Индии Атиша (982—1054). Он провел ряд реформ, направленных на поддержание традиций классического буддизма, создал несколько

крупных монастырей. Его учение стало базовым для школы кадампа. Деятельность Атиши вызвала недовольство у последователей Падмасамбхавы, делавших упор на тантрические методики. Произошло расхождение между школой ньингма-па (красношапочников) — приверженцев Падмасамбхавы и желтошапочников — приверженцев Атиши. В дальнейшем реформы Атиши поддержал и расширил основатель школы гелуг-па Цзонкапа (1357—1419), о котором будет рассказано ниже.

Этот период ознаменовался формированием таких новых буддийских школ, как сакья-па и кагью-па. Наименование школы сакья-па происходит от названия монастыря Сакья, основанного в 1073 году аристократическим кланом Кхон. Главная доктрина школы формулируется как «путь-результат», т. е. цель пути реализуется в процессе его прохождения. Основателем этой школы считается индийский мастер йоги Вирупа, который был знатоком Хеваджара-тантры — теоретической основы сакья-па; тибетские же традиции передачи этого учения начинаются с мыслителя и переводчика Дрогми. Его ученик Кончог Гьялпо был женат, и линия преемственности переходила от отца к сыну. Сакья-па является единственной школой, в которой разрешено жениться, в других же школах никогда не разрешалось иметь официальную жену.

Особую силу и расцвет школа сакья-па получила в царствование китайских императоров Юаньской династии и пользовалась популярностью в ставках монгольских ханов. В настоящее время имеется несколько ветвей и монастырей этой школы в Тибете, Индии, Непале и даже в странах Запада.

Другой школой, основанной примерно в этот же период, была кагью-па («традиция передачи наставлений»). Линия ее передачи является, возможно,

наиболее таинственной и ведет начало от махасиддхи Тилопы, передавшего свое учение Наропе. Затем от Наропы и йогина Майтрипы через Марпу линия передачи попадает в Тибет, где преемником ее становится Миларепа, ученик Марпы, и от него переходит к Гампопе. Гампопа, в свою очередь, осуществил полную передачу древней мудрости своим ученикам, основавшим ряд подшкол линии кагью.

Особый акцент последователи кагью-па делают на непосредственную передачу сокровенного знания от учителя к ученику; несоблюдение этого правила может привести к потере учения. Согласно легенде, индийский йогин Тилопа (988—1069), пребывая в глубочайшей медитации, воспринял главные доктрины школы непосредственно от Ваджрахары, «Изначального Будды», символизирующего недвойственность Знания, Абсолюта. Они были изложены в 11 трактатах Данджура. Основным считается учение Махамудры, или «Великой печати», где Тилопа подчеркивает важность практики, опыта непосредственного переживания интеллектуальных знаний. В своем поучении к Наропе он высказывается следующим образом: «Если ты и сможешь доказать, что пространство пусто (шуньята), ты, тем не менее, не достигнешь, чем в действительности оно является. Даже если ты назовешь его «лучшимся светом твоего собственного сознания», реальное знание об этом останется вне любого словесного выражения... Без действенной медитации (бхавана) Просветления не достигнуть. Задача — быть вне объекта и субъекта. Вот в чем состоит «царское» воззрение». Сам Тилопа считался великим мастером Махамудры. Имя его входит также в списки 84 великих сиддхи Ваджраяны. Он жил в отшельничестве и обладал многими сверхъестественными качествами. Упоминается, что он мог даже превращаться в других существ. Тилопа, помимо

всего прочего, прославился и своим крайне суровым обращением с учениками. Наиболее известные из них — это Наропа и Атиша.

Существуют разные точки зрения относительно места рождения Наропы (1016—1100). Одни называют Бангладеш, другие указывают Лахор в Индии. Происходил он из богатой семьи и обучался в университете Наланды, где изучал буддийскую философию, сутры и тантры. Там он стал величайшим ученым. Но в один прекрасный день Наропа услышал имя Тилопы и его охватило сильное волнение; он тогда понял, что должен найти великого учителя и стать его учеником.

12 лет Наропа провел с Тилопой, получая и практикуя его наставления, 12 основных препятствий преодолел он. В тот момент, когда последние сомнения растворились в сознании Наропы, он осознал Махамудру и достиг состояния, из которого уже было возврата в Сансару. Пример Наропы, который смог достичь полного Освобождения, показывает, что это стало возможно лишь потому, что он был готов безо всяких оговорок и сомнений следовать за Тилопой. В этом есть условие достижения Просветления в течение одной жизни, в этом заключается сам путь Ваджраяны.

Наропой было передано учение, которое получило название «Шести Йог Наропы»:

- Йога внутреннего тепла (Туммо);
- Йога иллюзорного тела;
- Йога сновидений;
- Йога ясного света;
- Йога переноса сознания (Пхова);
- Йога промежуточного состояния (Бордо).

Особенно популярна в школе кагью-па Йога внутреннего тепла. Работа в ней идет с энергетически-

Марпа

ми центрами человека для сублимации его внутренней энергии (достижение предела «внутреннего жара») и трансформации сознания. Внешне это выражается в сильном разогреве тела. Именно с этим связаны ежегодные, проводимые в самое холодное время года состязания йогов, которые должны высушить жаром собственных тел полотенца, намоченные в ледяной воде.

После получения учения от Тилопы Наропа обосновался в Пулахари и в течение долгого времени обучал учеников. В 85 лет он ушел в Чистую страну.

Следующим в линии передачи был тибетский ученик Наропы — Марпа, которого называют еще Марпа-домохозяин, так как он сумел совместить занятия духовной практикой с жизнью преуспевающего и к тому же семейного человека. Марпа родился в семье богатого землевладельца в местечке Лхотрак, расположенном к югу от Лхасы, где буддийские контакты не были потеряны во времена гонений царя Лангдармы. У Марпы с детства проявился очень вспыльчивый и упрямый характер, поэтому его отец решил, что будет полезно для юноши найти хорошего учителя Дхармы. Трижды совершал Марпа паломничество в Индию, где встречался с разными учителями. Там он получил передачу учения от Наропы, а также передачу Махамудры от индийского махасиддхи Майтрипы. После возвращения в Тибет он давал поучения в качестве духовного наследника Наропы. С его же именем связывается и создание школы кагью-па. От Марпы линия преемственности учения перешла к Миларепе.

Миларепа (1040—1123) является одной из колоритнейших фигур тибетского буддизма. Поэт-ми-

Миларепа

стик, автор сборника «Сто тысяч песен» («Гурбум»), бесстрашный сиддхи, великий отшельник, непревзойденный практик-экспериментатор. С его именем связывается создание образа идеальных отношений учителя и ученика. До того как стать на путь Учения, он, обуреваемый низменными страстями, становится убийцей ряда членов собственной семьи, а также занимается черной магией. Учитель Миларепа Марпа, подвергает его тяжелейшим испытаниям для искупления кармы. Выдержав все испытания, Миларепа ступает на светлый путь и достигает Освобождения. Он же становится четвертым «патриархом» линии кагью и в свою очередь передает учение Гампопе (1079—1153).

Гампопа родился в Южном Тибете. Уже в детстве он обладал мягким и сострадательным умом, без капли злости. Он женился, но из-за чумы жена и ребенок умерли, тогда Гампопа окончательно отказался от мирских радостей. Он отправился в Центральный Тибет, где получил поучения мудрости от Атиши. На тридцать втором году жизни Гампопа услышал о Миларепе и решил избрать его своим наставником. Получив полную передачу учения от Миларепы, он поселился в уединенном месте на горе Гампо, где у него появились ученики. Там же Гампопа основал небольшой монастырь, первый монастырь кагью, ставший своеобразным духовным центром, в который начали прибывать его последователи из всех частей Тибета. Гампопой было составлено много важных религиозных текстов в течение этого периода. В отличие от предыдущих учителей линии, Гампопа давал наставления Махамудры даже начинающим, не имевшим посвящений. Этот метод учения стал известен как сутра-традиция Махамудры.

Четыре ученика Гампопы получили полную передачу его учения: Дюсум Кхьенпа, Дакпо Гомцул,

Пхагмо Друпа и Барам Дарма Вангчуг. Впоследствии они стали создателями «четырех старших» ветвей кагью: Карма Кагью, Цхал, Пхагдруп и Барам. Эти ветви распространили систему Дхармы Гампопы по всему Тибету.

Ветвь Карма Кагью и сейчас является одной из многочисленных школ тибетского буддизма, сохраняющей традиции устной передачи. Каждого главу этой школы именуют Кармапой, и он является сознательно перерождающимся духовным учителем и держателем линии. Кармапа Дюсум Кхьенпа, основатель школы, был первым в традиции воплощений Кармап.

Как уже отмечалось, продолжателем реформ Атиши и основателем другой буддийской школы гелуг-па был уроженец Восточного Тибета Цзонкапа. Цзонкапа с юных лет отличался исключительными способностями, послужившими основанием для возникновения всевозможных легенд. Он получил хорошее образование, добился высшего духовного знания и стал знаменитым, будучи весьма юным (ему еще не было и 30 лет!). Цзонкапа проделал длительное путешествие по монастырям Тибета, встречался с наиболее почитаемыми учителями, изучал во всех тонкостях не только Хинаяну и Махаяну, но и философию йогачаров наряду с методами Ваджраяны. Наконец он обосновался около Лхасы, собрал вокруг себя учеников и стал учить. Со всех сторон стекались к нему люди и становились его последователями. Построенные им монастыри были многочисленны и влиятельны.

Цзонкапа объединяет в своем учении все «три потока» — три «Колесницы», считая, что эти «потоки» уже содержались в проповедях Будды Шакьямуни, а затем сблизились в поучениях Атиши и уже окончательно были соединены им. Цзонкапа вы-

Гампопа

ступал за восстановление многих норм Хинаяны, в частности, за упорядочение монашеской дисциплины. Им были отменены всяческие послабления для монахов, введено строгое безбрачие. Название его школы носит название гелуг-па, что значит «закон добродетели», или жа-сер — «желтая шапка» (цвет классического буддизма). Цзонкапой были также ограничены тантрические практики, хотя он и признавал неизбежность использования многих из них. В старых же школах тибетского буддизма (сакья-па, кагью-па и особенно ньингма-па) исходный смысл и суть тантризма сохранились в своем более или менее первоначальном виде.

В учении Цзонкапы резко возрастает авторитет и роль буддийского учителя, ламы, который рассматривается как живое воплощение Будды. Даже формула обета, выражающая преданность «Трем сокровищам» буддизма — Будде, Дхарме и Сангхе, пополняется четвертым элементом — принятием прибежища в ламе. Считалось, что учение не может быть постигнуто рядовым верующим непосредственно, необходимым условием постижения сокровенной сути являлась доверительная связь между учеником и учителем, которая своими корнями уходила к тантрам «Алмазной колесницы». Иной способ продвижения по пути спасения был недопустим. Следствием этого была учрежденная Цзонкапой сложная система церковной иерархии; как следствие появились ламы разных рангов. Помимо деления по их функциям возникло деление лам по степени учености, соответствующие звания присваивались им по результатам сдачи сложных экзаменов. Были досконально разработаны уставы монастырей, ужесточена дисциплина монахов, которым в то же время, разрешалось иметь собственность. Цзонкапе приписывают и введение в храмах сложной обрядности.

Умер Цзонкапа в главном монастыре своей школы, — Гилдане. Он сам предсказал свой «переход в божественное тело», сопровождавшийся многими чудесами. Останки Цзонкапы были помещены в ступу в том же монастыре.

Еще при жизни Цзонкапа сделал пророчество, согласно которому два его любимых ученика будут постоянно воплощаться в качестве двух высших лам школы. Один из этих воплощенцев получил титул Далай-ламы, другой — Панчэн-ламы. Они считаются земными воплощениями бодхисаттвы Авалокитешвары и будды Амитабы. По смерти эти ламы через девять месяцев перерождаются в младенцев мужского пола, которых потом находят по определенным признакам и строгой проверке, например, ребенок должен признать какую-либо вещь умершего.

Постепенно далай-лама становится символом высшего духовного правителя Тибета и сосредоточивает в своих руках государственную власть. Так продолжалось до 1959 года, пока тогдашнему Далай-ламе не пришлось искать политического убежища в Индии вследствие гонений со стороны руководства коммунистического Китая.

Начиная с XVI века буддизм секты гелуг-па широко распространяется в Монголии, а в XVII—XVIII веках он приходит к бурятам, калмыкам, тувинцам. Все они признают авторитет Далай-ламы, хотя имеют собственных религиозных глав.

Уникальность же Тибета заключается в том, что на его территории сохранилась и таким образом достигла наших дней вся система учения буддизма. Многие основополагающие индийские тексты сохраниены в виде тибетских переводов, сделанных еще в XI в.

Буддизм в Китае

Буддизм проникает в Китай уже в начале нашей эры. Изначально его распространителями были купцы, следовавшие по Великому шелковому пути. Первые монахи-миссионеры появляются в Китае во II—III вв. Но, несмотря на это, процесс укоренения и развития буддизма в Китае был длителен и труден. Идеи буддизма о том, что жизнь есть страдание, явно противоречили конфуцианской этике с ее строгими социальными нормами поведения, выработавшимися в течение столетий. К тому же Китай ощущал себя великой империей, с превосходством взирающей на соседние «варварские» страны. Потребовались долгое время и усилия многих поколений проповедников и переводчиков, чтобы наконец Учение Будды «пустило корни» на китайской земле. Положительную роль в распространении буддизма сыграла другая китайская религия — даосизм. Философия даосизма имеет много общего с духом Махаяны и поэтому неудивительно, что первоначально буддизм воспринимался в Китае как одна из форм учения Лао-цзы. Это даже породило легенду о том, что Лао-цзы, ушедший на Запад, попал в Ин-

дию и стал учителем Будды и истинным основателем буддизма.

Основоположником же буддийских традиций в Китае считается монах Ань Шигао, прибывший в Поднебесную в 148 году. Он при помощи китайских энтузиастов начал активную переводческую деятельность, итогом которой был перевод 30 духовных сочинений. Однако существенные метаморфозы к лучшему в положении буддизма приходятся на III—IV вв., когда данное учение завоевывает популярность среди аристократических кругов страны. Этому немало способствовала ситуация внутри Китая с ее междоусобными войнами южных и северных династий и общей атмосферой неопределенности и неустойчивости. На этой почве особую популярность приобрела идея «отрешения от мирской суеты», самосовершенствования и поиска путей Освобождения. Именно тогда возникло около 180 действующих буддийских монастырей и храмов, которые располагались в основном вокруг столичных центров Чанъани и Лояна.

Дальнейшее распространение и укрепление буддизма было связано с его значительной китаизацией. Это выражалось в том, что на первый план стали выходить те принципы и идеи буддизма, которые наиболее соответствовали китайским традиционным представлениям и идеалам. Начало этому процессу было положено монахом Даоанем (312—385), являвшимся не только большим знатоком и проповедником буддизма, но и блестящим переводчиком, комментатором текстов. Положив в основу канон Виная-питаки, он создал образцовый монастырский устав, а также ввел обычай присваивать всем буддийским монахам фамилию Ши, образованную от китайской транскрипции названия рода Шакья, из которого происходил Будда. Даоань разработал и ввел культ Будды грядущего Майтрейи

(Милэфо), получивший необычайную популярность и распространение, связанные с надеждой на приход нового мессии, столь желанного в период частых смен династий и крестьянских восстаний.

Следующим патриархом китайского буддизма был ученик Даоаня Хуэй-юань. Ему принадлежит тезис о неподвластности буддийской Сангхи правителям. Хуэй-юанем также был основан культ будды Амитабхи, покровителя «Западного рая», который способствовал развитию как китайского, так и японского амидизма; уместно заметить, что культ Амитабхи, как и культ Майтрейи, был связан с мечтами о лучшем будущем. Кроме будд Амитабхи и Майтрейи большой популярностью пользовалась фигура бодхисаттвы сострадания и милосердия Авалокитешвары, которая трансформировалась в китайскую Гуань-инь, покровительницу всех страждущих.

В V в. виднейшим буддийским проповедником на севере Китая был индийский монах Кумараджи-ва. Им были переведены такие канонические тексты, как сутры Праджняпарамиты, Лотосовой сутры, трактаты Нагарджуны и Арьядевы. Он также закладывает основы классической школы перевода на китайский язык.

К VI в. буддизм настолько распространяется в Китае, что становится официальной государственной религией. Были построены поражающие воображение храмовые комплексы; только в одном Лояне их насчитывалось свыше тысячи. К данному периоду относится и возникновение такого уникального явления, как чань-буддизм. Название это происходит от санскритского слова «дхьяна» (сосредоточение, медитация). Древнеиндийская школа дхьяны делала основной упор на глубокое медитативное погружение, достижение транс, в котором и постигается истинная сущность всего.

Сутры дхьяны в свое время были переведены на китайский язык Даоанем и стали широко известны во многих монастырях страны.

По легенде, чань-буддизм был обязан своим появлением в Китае индийскому монаху Бодхидхарме (Даруме). По прибытии в столицу он был принят китайским императором У-ди из династии Лян, рыным покровителем Учения. На вопрос императора, как будут оценены его деяния на благо Дхармы — строительство храмов, пожертвование монастырям, копирование священных текстов и т. д. — Бодхидхарма ответил, что все это ничего не стоит, так как истинно достойные поступки не связаны с мирскими заслугами. Тогда У-ди спросил, в чем же именно состоит его священная доктрина. И получил ответ, что это Абсолютная пустота, ничего священного. После этого Бодхидхарма покинул явно разочарованного императора, обосновался в монастыре Шаолиньсы и стал давать свое учение группе последователей, чем и положил начало школы Чань. Эта школа отвергала изучение сутр и следование ритуалам, а главным делала спонтанное самораскрытие, внезапное озарение. Истинный дух чань-буддизма можно прочувствовать в стихотворении, написанном Бодхидхармой:

Без книг, без слов, без букв
Таинственно струится мысль
И в разум человека
С идеей царства Будды молча входит.

Документированную историю Чань можно проследить начиная с VII века, когда после смерти ее пятого патриарха в школе произошел раскол на северную и южную ветви. Северная ветвь спустя некоторое время сошла на нет, а южная, возглавля-

емая учителем Хуэй-нэном, дала новый импульс для развитию чань-буддизма как в Китае, так и в Японии.

Примечательна сама биография Хуэй-нэна: выходец из бедной семьи, неграмотный, он зарабатывал на жизнь, продавая дрова, но однажды, услышав читаемую кем-то Алмазную сутру, пережил мгновенное Просветление. После этого Хуэй-нэн отправился в монастырь пятого патриарха, который сразу признал его способность понимать. Он выражает желание быть принятым в монастырь хотя бы даже в качестве слуги, опасаясь, как бы образованные монахи не начали над ним глумиться. Когда же пришло время назначить преемника, патриархом было предложено, чтобы каждый ученик выразил в стихах личный опыт постижения Учения. Стихотворение наиболее образованного монаха оказалось хорошим, но все-таки искусственным, поскольку строилось на формальном знании законов стихосложения, и его стиль можно было соотносить с северной традицией буддизма в Китае — постепенное развитие ума через постоянное очищение и углубленные раздумья. Стихотворение же Хуэй-нэна отражало истинное переживание и показывало, что человек уже изначально наделен Будда-природой, а понимание этой природы лежит вне интеллектуального анализа.

Вопреки всем правилам Хуэй-нэн становится шестым патриархом, и это лишний раз подчеркивает самую сущность чань-буддизма — отрицание книжных знаний, любых канонов и авторитетов. На первое место выходит интуиция, способность человека видеть Будду во всех проявлениях обыденной жизни, а также умение наслаждаться, радоваться ее многообразию и красоте. Истина лежит в озарении, нисходящем внезапно, подобно толчку. Для подготовки сознания к подобному восприятию

существовала специальная практика загадок (гуаньань; *яп.* коан). Коанами называли истории из жизни чаньских патриархов, которые предлагались в качестве интеллектуальных задач ученикам. Постичь смысл коана с помощью рационального мышления нельзя, ведь при всей своей кажущейся нелепости и абсурдности в нем скрывался глубокий внутренний смысл, на поиски которого ученик мог потратить долгие годы! В решении загадки было важно, чтобы она полностью завладела сознанием, вытеснив другие мысли, довела ментальное напряжение до предела, и тогда уже должно было наступить внезапное озарение, позволяющее раскрыть смысл загадки. Многие коаны передавались из поколения в поколение, и из них даже составлялись сборники.

Другим парадоксальным методом для подготовки сознания к интуитивному толчку были диалогивзньда между учителем и учеником. Обмениваясь между собой различными фразами, на первый взгляд, ничего не значащими, они словно бы настаивались на «общую волну», а затем, продолжая беседовать, учитель вызывал у ученика определенные ассоциации: это-то и служило подготовкой к принятию озарения.

Принципы школы Чань сформулированы в четырех постулатах:

- 1) «не твори письменных поучений»;
- 2) «передавай традицию вне наставлений»;
- 3) «прямо указывай на человеческое сердце»;
- 4) «прозревай природу и становись Буддой».

Хочется еще отметить, что в монастырях Чань особое место отводилось физическому труду, который для чань-буддистов был своеобразной практикой постижения истины через радость и величие

простой повседневной работы. В монастыре Шао-линьсы сложилась самобытная школа воинского искусства, известная и в наши дни. Чань-буддизм оказал огромное влияние на развитие китайской, а также японской, да и вообще всей дальневосточной культуры. Многие выдающиеся мастера искусства были воспитаны на идеях и парадоксах школы Чань. Даже возникновение чая и ритуала чаепития связывается с буддизмом. По легенде, Бодхидхарма заснул во время многочасовой медитации (что считается постыдным) и, проснувшись, в гневе отрезал себе ресницы, которые, упав на землю, дали ростки чайного куста. Монахи стали готовить из его листьев и пить бодрящий напиток, а затем этот обычай принял общенациональный характер.

Однако живые традиции чань-буддизма со временем превратились в ритуал: образ жизни монахов строго регламентировался, обучение коанам носило формальный характер, безвозвратно уходила первоначальная оригинальность и свежесть учения.

Начиная с середины IX в., когда вышел указ танского императора У-цзуна, буддизм в Китае теряет свое влияние, и начинается медленный, но неуклонный его упадок. Из Китая буддизм распространяется в другие страны: Японию, Корею, Вьетнам.

Буддизм в Японии

Согласно японским хроникам, буддизм попадает в страну в середине VI века из Китая вместе с традициями китайской цивилизации. Поднебесная в тот период уже имела чрезвычайно развитую культуру, тогда как у японцев даже не было своей письменности, пока она не была импортирована из того же Китая. В Японии буддизм прошел частичную ассимиляцию с национальной религией японцев синто («путь богов»), и это повлекло за собой создание специфических японских школ буддизма.

Японские авторы делят историю буддизма в своей стране на три условных периода: «распространение» (VI—VII века); «национализация» (IX—XIV века); «пребывание» (XV—XX века).

В ранний период распространения Учение Будды нашло приверженцев из могущественного рода Сога, а также ярых противников в лице представителей рода Мононобэ. После ожесточенной борьбы за власть Соге удалось одержать победу, и буддизм получил официальное признание. Покровительство знатных и влиятельных людей страны способствовало росту популярности буддизма.

При императоре Сёму (724—749) он признается государственной религией. По высочайшему указу в каждой провинции основывается монастырь (кокубундзи), а в одном из центральных храмов воздвигается гигантская статуя Будды (дайбуцу). В Японии буддизм немало способствовал становлению государственности и развитой культуры, закладывая принципиальные основы этических и правовых систем. Влиянию буддизма на политическую жизнь Японии способствовало создание института инке, по которому император еще при жизни должен был отречься от власти в пользу наследника и, став монахом, руководить страной в качестве регента.

В эпоху Нара (710—794) наибольшее распространения получили шесть школ, в основе которых лежало учение Махаяны. Все они занимались преимущественно схоластическими проблемами и были далеки от простых японцев, но терпимое отношение буддизма к любым религиям позволило ему мирно сосуществовать с национальной традиционной верой, синтоизмом. Школой Кэгон также делались попытки объединить синтоизм с Учением Будды, используя принцип хондзи суйдзюку, согласно которому все синтоистские божества — не что иное, как те же будды в очередных перерождениях.

В IX веке реальная власть в стране переходит из рук императора к аристократическому роду Фудзивара, на женщинах которого обязаны были жениться императоры. При Фудзивара значение буддизма еще больше увеличивается, даже административное руководство перемещается в крупные монастыри. Наибольшее влияние приобрели две новые школы Сингон и Тэндай, внесшие свой вклад в процесс сближения двух систем и заложившие основу ребу синто («двойного пути духов»); согласно ребу синто

буддизм и синтоизм сливаются в единое целое. Это имело определенный успех. При японском дворе, признавшем буддизм официальной религией, продолжали обращаться к синтоистским богам (ками), многие из которых удостоились статуса бодхисаттв (например, богиня солнца Аматэрасу была объявлена воплощением будды Вайрочана); буддийские монахи нередко участвовали в синтоистских праздниках. Школы Сингон и Тэндай привлекали многочисленных сторонников не сложными философскими построениями, а яркими и пышными обрядами, мистическими ритуалами, направленными на получение различных земных благ. Буддизм приобретает формы эзотерического учения. Это способствовало утверждению своеобразного культа красоты. Основателю школы Сингон, Кукаю, приписывается мысль, что именно через прекрасное в искусстве «открывается нам область совершенного».

Постепенное ослабление рода Фудзивара приводит к тому, что во второй половине XII столетия после долгих кровопролитных межфеодалных войн власть захватывает военачальник из рода Минамото, Ёритомо, установивший в стране сёгунат — систему военного управления. Воины-сподвижники сёгуна составили основу нового сословия — самураев. Буддизм продолжает оставаться опорой власти, но в нем происходят значимые изменения. Это отразилось в создании новых школ.

Большую популярность приобрело пришедшее из Китая учение о Западном рае, или «Чистой земле» (Дзёдо), будды Амидабхи, который, согласно своему обету, должен был непременно спасти каждого, кто обратится к нему с призывом о помощи. Образовались несколько амидаистских школ (Юдзу-нэмбуцу, Дзёдо-сю, Дзёдо-синсю и др.). Основное положение этих школ состояло в «опоре на си-

лу другого» (тарики), в частности, на спасительную силу будды Амитабхи, а наиболее эффективным методом спасения стали нэмбуцу — бесконечные повторения магической формулы: «Наму Амида буцу!» («Слава будде Амида!»). Даже в нынешней Японии количество последователей амидизма достаточно велико.

Другой школой, образованной несколько позже, в XIII веке, и также ориентированной на простое население, была школа Нитирэн, названная по имени основателя. Согласно ее главному положению, великий Будда проявляется во всем, в том числе и в самом человеке. Из всех буддийских сочинений особенно почиталась Лotosовая сутра, изучение которой сулило желаемое спасение.

В конце XII века из Китая в Японию пришло учение дзэн (чань), которое сразу получило широкое распространение и завоевало необыкновенную популярность. Учение дзэн превратилось в своеобразную «философию жизни», оказавшую глубокое воздействие на характер мышления, образ жизни и деятельности японцев, а также на их культуру.

Японский дзэн был представлен двумя направлениями: Риндзай, родоначальником которого был Эйсай, и Сото, основанное Догэном. Очень скоро дзэн завоевал в стране прочные симпатии, особенно в среде императорского окружения и самураев. По китайскому образцу была создана иерархическая система годзан («пять гор»); в нее вошли почти все монастыри направления Риндзай. Они стали крупными центрами культуры, а проживавшие в них монахи на протяжении нескольких столетий оставались хранителями знаний и создателями обширной дзэнской литературы на китайском языке (годзан бунгаку). Храмы же школы Сото располагались преимущественно в провинциях и не входили в систему годзан, что давало им бóльшую степень

свободы. Создатель этой школы Догэн — один из наиболее ярких и оригинальных японских мыслителей.

Основными принципами дзэн остаются недоверие к тексту и слову (как способу выражения истины) и логическому мышлению (как способу ее постижения). Последователи дзэн отказывались от любой ритуальности, эзотеричности, не признавали духовных авторитетов и догм, обретение внутренней свободы видели в отходе от подражательства. Отсюда вытекала их любовь к парадоксам, к недосказанности, насмешкам и даже юродству.

Путь обретения сатори (Просветления) лежал через медитацию, которая в дзэн приобретает форму созерцания, «просто сидения». Медитирующий, поддерживая состояние концентрации сознания и будучи ни напряженным, ни расслабленным, наблюдает за проходящими мыслями, не вовлекаясь в них и не оценивая, пребывая и покаясь в собственном осознании. Это похоже на наблюдение за облаками, за протекающей рекой или падающими листьями. Умение сосредоточиваться, приобретаемое в медитациях, потом распространяется на повседневную деятельность.

Загадки-коаны также остаются в дзэн важной практикой на пути к сатори. Здесь человек должен научиться разрешать свой личный коан — каждодневные проблемы. Этот коан, естественно, не имеет окончательного разрешения, но учит тому, что, изменяя себя, человек начинает рассматривать собственные трудности с более высокого уровня. Меняется не проблема, а то, как относится к ней человек.

В дзэн особенно важна его связь с повседневной жизнью, ибо они неразделимы и рассматриваются как одно целое. «Жить в соответствии с дзэн — значит жить обычной повседневной жизнью». Подчер-

квивается практический, непосредственный опыт. Один дзэнский мастер выразил это так: «Для меня чудо состоит в том, что когда я голоден, я ем, а когда я чувствую жажду, я пью». Только полное и раскрытое сознание дает способность принимать повседневную жизнь такой, как она есть.

Школы при дзэнских монастырях пользовались большой популярностью. Суровое воспитание, жесткая дисциплина, обучение самоконтролю, умению концентрироваться и добиваться цели — все это было очень близко для самураев, с их бесстрашием и готовностью умереть за своего господина. Дзэн во многом определил самурайскую этику — кодекс бусидо («путь воина»). Он стал религией самураев-эстетов, которые с рождения идут навстречу смерти. Их верность, простирающаяся до фанатичности, обостренное понятие чести, самоубийство во имя долга, приверженность идее фатальности — это то, что оказало воздействие на весь дух японской культуры и формирование национального характера японцев. Именно в этом скрываются корни обостренного до пронзительности чувства прекрасного с его неуловимостью и мимолетностью. Умение видеть скрытую красоту во всем и везде превращает даже повседневные обязанности в искусство, будь то фехтование или питье чая. «Повседневный образец есть правда».

Философско-эстетические взгляды дзэн наиболее полно отразились в чайной церемонии (тяною). Ритуал чаепития с его временным выключением из повседневности, сосредоточенностью на переживании красоты был, по мнению приверженцев тяною, ничем иным, как путем к Просветлению. Чайная церемония получила распространение и в монашеской среде, и у аристократии, и у самурайства. Формирование особой эстетики чайной церемонии повлияло на многие виды и жанры

японского искусства: архитектуру, живопись, каллиграфию, которые несли на себе отчетливое влияние принципов дзэн. Парадоксальность мышления, отрицание общепринятого привело к перевороту в понимании прекрасного, эстетизации простоты: прекрасным стали считать убогую хижину, грубую крестьянскую утварь, старые покосившиеся ворота и т. п. Сложилась особая культура восприятия предметов искусства, позволяющая раскрыть внутренний смысл произведения через образ-символ, образ-знак. В поэзии недосказанность и намек становится правилом, цель которого получить глубокий эмоциональный отклик (ёдзё) — «неизреченное великолепие». Красота таится в невыраженном, неопределенном.

Дзэн сохранил свое влияние на всю японскую культуру вплоть до наших дней, и ее традиционные виды искусства (тяною, икэбана, искусство ландшафтных садов), также рожденные в эстетике дзэн, являются неотделимой частью жизни современного японца.

На протяжении периода с XIII по XV век буддизм укрепляет свои позиции в Японии, расширяет сферы влияния и активно участвует в политических перипетиях эпохи. Только в конце XVI века, вследствие деятельности Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси, которые объединили страну и установили новый сёгунат, мощь буддийских монастырей была подорвана, и они утратили свое бывшее влияние. Предпочтение стало отдаваться неоконфуцианскому учению, хотя отношение к буддизму оставалось терпимым.

В эпоху Токугава (1603—1868) для буддизма начинается период активного переосмысления накопленных идей и знаний. После свержения сёгуна (1868) официальной государственной идеологией становится синтоизм. И хотя многие буддийские

храмы были закрыты, буддизм не сдал окончательно своих позиций.

В современной Японии подавляющая часть населения является последователями буддизма. Буддийские школы делятся на две группы: к первой относятся школы, сформированные в период от начала проникновения Учения в Японию до позднего Средневековья (они представлены различными направлениями, описанными выше); ко второй группе принадлежат школы необуддийского движения. Характерным для них является эклектическое сочетание идей буддизма и заимствований из других религий (синтоизма, конфуцианства, народных верований), а также подход к вере как средству облегчения существования в современном мире.

В XX веке благодаря выдающему японскому буддологу Дайсэцу Судзуки дзэн-буддизм становится достоянием западной культуры. Без дзэн сложно представить творчество Г. Гессе, Дж. Сэлинджера, Дж. Керуака, Г. Снайдера, А. Гинзберга, А. Матисса. Идеями дзэн и сейчас продолжают вдохновляться многие философы, писатели, художники, музыканты и кинорежиссеры.

Содержание

Введение	3
Будда нашего времени	5
Чему учил Будда	12
Как учил Будда	22
Сангха	27
Три основных направления в буддизме	32
Тибетский буддизм	48
Буддизм в Китае	64
Буддизм в Японии	71

Буддизм — самая древняя из трех мировых религий. Он старше христианства на пятьсот лет, а ислама — на целых двенадцать столетий! Возник буддизм в Индии в VI—V веках до н. э. В настоящее время основное число его последователей проживает в странах Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии. В нашей стране он распространен среди жителей Бурятии, Калмыкии, Тувы. С начала XX века буддизм находит последователей в странах Европы и в США, а за последние 10—15 лет буддийские школы возникли во многих городах России, Украины, Беларуси. По весьма приблизительным данным можно сказать, что сейчас в мире насчитывается около 400 млн мирян и около 1 млн монахов и монахинь, исповедующих буддизм.

Учение, данное Буддой, — это учение, лежащее вне догм, необыкновенно открытое и живое. Его идея перемен и непостоянства пресекает любые тенденции фундаментализма. Учение, которому чуждо отрицание, которое не исключает, а включает. Буддист не говорит: «не то, а это», буддист говорит: «и то и это», указывая на необыкновенное богатство нашего ума с бесконечным количеством возможностей. Буддизм — настолько космически полное и всестороннее учение, что его можно рассматривать и как философскую систему, и как религию, и как идеологию, и как образ жизни. Именно поэтому у буддизма такая долгая жизнь и так много последователей по всему миру.

Книга Лины Берген — краткий, но емкий рассказ о самой древней из мировых религий — буддизме. С ее помощью вы сможете получить представление о сути учения буддизма, его истории, особенностях возникновения, а также узнать о различных его направлениях и школах. Вас ожидает знакомство с основателем Учения и захватывающими биографиями патриархов буддизма.

**«Эзотерика за 90 минут» — это лучший способ
изучить эзотерику и при этом не сойти с ума!**

ISBN 5-17-036229-3

Астрель СПб

ЭЗОТЕРИКА — ПРОСТО О СЛОЖНОМ!